

ХРАНИТЬ ВЕЧНО.
КРИМИНАЛЬНОЕ РЕТРО
ЮЛИИ ЯКОВЛЕВОЙ

Юлия Яковлева

НЕБО В АЛМАЗАХ

«В 1933 году в Ленинграде были репрессированы 885 человек, 115 впоследствии расстреляны. Эта книга посвящается памяти Николая Федоровича Загорского, просто человека из списка».

Юлия Яковлева

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я47

Издание подготовлено при содействии агентства
Banke, Goumen & Smirnova

Оформление серии *В. Мяконькиной*
Иллюстрация на переплете *А. Дурасова*

Яковлева, Юлия.
Я47 Небо в алмазах / Юлия Яковлева. — Москва :
Эксмо, 2018. — 320 с. — (Хранить вечно. Крими-
нальное ретро Юлии Яковлевой).

ISBN 978-5-04-096886-2

Страна Советов живет все лучше, все веселее – хотя бы в образах пропаганды. Снимается первая советская комедия. Пишутся бравурные марши, ставятся жизнеутверждающие оперетты. А в Ленинграде тем временем убита актриса. Преступление ли это на почве страсти? Или связано с похищенными драгоценностями? Или причина кроется в тайнах, которые сильные нового советского мира предпочли бы похоронить навсегда? Следовательно угрозыска Василию Зайцеву предстоит взглянуть за кулисы прошлого.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096886-2

© Яковлева Ю. 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

«ОПАЛЫ ПРИНОСЯТ НЕСЧАСТЬЕ»

...вакханки и гладиаторы дружно повернули головы, и даже Сашенька приподнялся из своего кресла. Так громко она крикнула. А засъемщик от неожиданности перестал вертеть ручку.

Она словно не заметила черно-белый «колизей», нама-леванный за моей спиной. Шурша платьем, бухнулась на колени. Не из раболепия, конечно, а потому что ноги ее не держали.

— Вар... Вар... — стучали зубы. Я отцепила ее холодные пальцы от края туники. На подоле заметила кровь: она порезала руки об вышивку, но сама того даже не заметила. Мусю, горничную Верочки, била дрожь. Я кивнула Сашеньке, гневно разевавшему рот.

— Пять минут, — пыхнул он. Сашенька никогда не умел злиться на меня по-настоящему! С тех самых пор, как свою фирму в Москве открыл Ханжонков.

Вакханки уже набрасывали шали на плечи, покрывшиеся гусиной кожей. Гладиаторы спешно закуривали. С хлопком погас горящий фонарь. Глазам сразу стало непривычно темно от петербургского дневного света.

— Муся. Теперь по порядку.

Следовало, конечно, надавать ей по щекам. Она была в истерике.

— Сказали: только вас. Только вы.

Потащила меня к выходу. Я только и успела схватить со спинки кресла свой соболий палантин. Свою шляпу.

Я терялась в догадках. У Верочки не было повода меня любить. Более того, в ее ко мне высокомерном презрении я до сих пор была вполне уверена. Что же это вдруг? И почему она в Петербурге? Дело было, по всему, нештучное. Что ж, решила я, — меня жгло любопытство, — Сашенька подождет. Ему не впервой. С тех пор как свою фирму в Москве открыл Ханжонков.

Мои ноги в трико тут же ужалил морозец. Я весело глядела на свои сандалии — на снег. Соболиный мех ласкал щеки.

— Извозчик... извозчик... — лепетала она.

И тут я все-таки дала ей пощечину.

Она захлопала глазами. Но заткнулась.

— Муся. Я еду с вами, даже толком не выяснив, в чем дело. Вижу только, что дело серьезное и личное.

Она закивала. Опять вцепилась в меня:

— Нельзя, чтобы видели. Нельзя!

Актрисы так называемых серьезных театров — жрицы искусства — помешаны на том, чтобы выглядеть весталками. А сейчас к тому же дело, похоже, было правда плохо, и Верочка дала горняше исчерпывающие инструкции. Я терялась в догадках.

Махнула рукой Мишелю. Он тотчас опустил на глаза очки — больше для форсу. Загремел мотор моей «Изотты». Такая машина цвета шампанского была только у меня. Сашенька был щедр. С тех пор как Ханжонков открыл свою фирму в Москве.

Горняша побелела. Если только можно было побледнеть еще больше. Глядела на машину словно на дракона.

— Нельзя!.. Она в опасности! Жизнь или смерть. Все должно быть в тайне.

«Подпольный аборт?» — подумала я, ставя ногу на ступеньку. Значит, поэтому она и прикатила из Москвы — к петербургскому абортмахеру. Шито-крыто. Дело плохо.

— Вот что, Муся.

Я продела булавку в шляпку. Накинула на колени меховой плед.

— Если увидят, как я тащусь куда-то на извозчике, об этом будет говорить весь Петербург. Нет. Только авто!

Она мешкала.

— Чтобы никто ничего не заметил, положи это на самое видное место.

Горничная тупо смотрела. Не понимала, что я говорю.

— ...Полезайте же!

Я стукнула в спину Мишелю. Горняша плюхнулась, потеряв равновесие, на подушки из шкуры белого медведя. И моя «Изотта» понеслась.

Мы пролетели мимо Петропавловской крепости. Потом по мосту. На Невском Мишелю пришлось давить грушу гудка изо всех сил. Наконец оказались на Морской.

Муся потащила меня к черному ходу. Я решительно шагнула к парадной двери. Ее уже распахивал швейцар. Если надо сохранить визит в тайне — не прячься!

Верочка сразу бросилась ко мне. Вне сцены она казалась бледнее и старше. Морщины вокруг глаз, губ, да и на лице как-то многовато лишней кожи. Что поделать, театральный грим старит быстрее, если не принимать особых усилий.

— Варенька! Вы одна мое спасение!

И взмахнула руками:

— Не спрашивайте, не спрашивайте.

Лоб в испарине. Крови было не видно.

Пока не видно.

— Едем, — быстро приказала я. В таких случаях нужно действовать быстро. Быстро и решительно.

Верочка запихнула в ридикюль черный замшевый мешочек. Муся накинута на нее шубу. Приколола шляпу.

— Я не могла одна... Туда, — лепетала она в авто. Я держала ее горячую руку. Вынула из рукава платок, промокнула ее лоб.

— Я никого не могла просить. Такое сомнительное дело... Только вас. Ведь вам нечего терять... К тому же вам не поверят.

«Спасибо, милый комплимент», — но я не дала своей руке остановиться — промокала ее лоб. Похоже, в горячке она не соображала, что несет — выкладывала то, что было на уме.

— А он...

Она дернулась, будто я приложила к ее лбу не батист с кружевами, а каинову печать. Я даже выронила платочек. Он исчез где-то у нас под ногами.

Я не спрашивала: «знает». Ясно, что не знает.

— Не должен знать... Он необыкновенный человек.

Даже за бурчанием мотора было слышно, как клацают ее зубы. Ох уж эти артистки драмы! У них все необыкновенно. Адрес был мне незнаком. Кто же ее любовник? Если такая деликатность, такая конфиденциальность.

Невский, мост, Петропавловка, особняк Мали Кшесинской промелькнули в обратном порядке. Адрес был фешенебельный: на Каменноостровском, в одном из этих модных гигантов, снабженных всем, вплоть до грузовых лифтов и электрических картофелечисток.

Щегольская секретарша провела нас в приемную. Доктор оказался французом. Верочку увели.

Я смотрела вниз сквозь двойное стекло — на Каменноостровский проспект: на поток извозчиков, шляпы дам, конки, мешанину прохожих. Скоро здесь будет теснее, чем на Невском.

— А вы?

Я обернулась. Секретарша улыбалась рекламной улыбкой. И это деликатность?

— Мне кофе. Благодарю, — холодно приказала я.

— О.

Она вернулась с кофе. И опять выжидающе засияла.

Я взяла чашечку с подноса.

— Ваш бюст выглядит превосходно, — заговорила она. — Но смею заметить, что нет предела совершенству и пышности.

В таком месте тебя неизбежно примут за содержанку. А может, дрянь просто позавидовала моей шубе.

Она раскрыла передо мной брошюру. Я не глядела, куда показывал ее наманикюренный пальчик. На что там глядеть? Стадии развития плода? Увольте.

А потом опять заговорила. Я не поверила своим ушам:

— Свиной — что?

Но тут уже вышла Верочка. Она старалась не глядеть на доктора. Тот ухмылялся — я бы сказала «сально», но не люблю дешевые каламбуры.

— Все превосходно. Небольшое воспаление, не более того.

— А если они... опять?

— Я выровнял форму и размер. Никакого беспокойства. Теперь можем считать дело законченным.

И многозначительная пауза.

Верочка не глядя подала ему замшевый мешочек. Доктор ловкими пальцами тут же развязал тесемку.

— Надеюсь, этого довольно, — бормотала Верочка; похоже, все обошлось, и теперь ей явно не терпелось уйти отсюда. А у доктора в горсти сверкнуло.

— Мадам, — сухо заговорил он. Бросил красноречивый взгляд на секретаршу. С ее лица тотчас пропала любезность. Оно стало суровым. Секретарша быстро прошла через комнату и крутанула в двери ключ.

Верочка беспомощно смотрела на доктора. Видимо, взгляд из спектакля «Волки и овцы». Спектакль я не видела, но взгляд точно был овечий.

— Платите.

— Вы... вы... Это бриллианты и опалы.

— Это стекляшки.

Теперь уже секретарша смотрела на Верочку как на вошь.

— Этого не может быть, — шла пятнами та. — Мне подарил их...

Имя впечатляло. Вот почему тайна: князь Ахтынцев ужасно разбогател на железнодорожных кредитах. Ему прочили министерский портфель. Но доктор был французом и, очевидно, плохо знал, кто в России кто: большой минус при его профессии. Я тотчас мысленно предсказала ему скорое разорение.

— Мадам. Платите. Или мы зовем полицию.

— Не может быть, — все шептала Верочка. Она была на грани обморока.

А стерва сняла телефонную трубку.

— Постойте, — остановила ее я.

Вынула из ушей серьги. Уж в них-то бриллианты-солитеры были точно настоящие. Сашенька, с тех пор как Ханжонков открыл свою кинофирму в Москве, не стал бы так рисковать, как князь Ахтынцев... Француз и его секретарша обменялись взглядами. Я протянула серьги одной рукой, не глядя.

— Берите. Ну!

Жест был как надо. Жест римской императрицы. Про голос — не уверена. В кино не нужен голос. Ни у Сашеньки. Ни у Ханжонкова.

Тварь передала ему серьги. Он глянул. Взгляд опытного выжиги. И опустил в карман.

— А это я забираю. На память, — я сгребла из его руки ожерелье: стеклянные опалы, стеклянные бриллианты.

Схватила почти бесчувственную Верочку.

— Ключ.

Тварь отдала, робко оглянувшись на своего господина.

Мы вышли в прихожую. Я посмотрела в высокое напольное зеркало. Верочка была пунцовой, как драпировки в серьезном драматическом театре. И можно поклясться, ее краснота была полностью натуральной.

Только лишь она и была.

Что ж, за ее фальшивый бюст, наполненный свиным жиром, князь расплатился с Верочкой фальшивыми бриллиантами. А ведь мог бы настоящими, недоумевала я. Но видно, поэтому князь миллионщик, а я нет. Таким образом Верочкину связь можно назвать бескорыстной.

Это прелестно! Я расхохоталась.

Верочка недоуменно глядела на меня: не истерика ли?

Не могла же я объяснить ей, что меня насмешило.

— Грим, — показала на зеркало я. — Я уехала прямо с фильма.

Мое лицо покрывал толстый слой желтой пасты. Только она на пленке и выходит белой, как кожа.

Хотела вынуть платочек, промокнуть размазавшуюся пасту. Да вспомнила, что еще в авто его обронила.

Глава 2

